

A woman with long dark hair, seen from behind, is standing in a brightly lit room. She is holding up two pieces of light blue and white clothing, possibly lingerie, with her arms raised. She is wearing black stockings and high heels. The room has a wooden floor and a bed with a blue and white patterned coverlet is visible in the lower left corner.

Alex Teufmann

ДЕВОЧКИ ТОЖЕ

CENSORED

18+

**Современная сказка для взрослых,
с хорошим концом**

Alex Teufmann

**Девочки тоже CENSORED.
Современная сказка для
взрослых, с хорошим концом**

«Издательские решения»

Teufmann A.

Девочки тоже CENSORED. Современная сказка для взрослых, с хорошим концом / А. Teufmann — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934710-7

Книга, в первую очередь, о любви. О человеческой любви в более широком смысле, чем привычные отношения, ведущие к интимной близости. Хотя, на первый взгляд, история в основном об этом. Во вторую очередь, книга об отношениях, сложных и разноплановых. И это, думаю, правильно, хотя бы потому, что простые отношения не интересны. Тогда как отношения, находящиеся в перманентном движении от любви к ненависти и обратно, — это страсть. А страсть была и будет интересна во все времена.

ISBN 978-5-44-934710-7

© Teufmann A.
© Издательские решения

Девочки тоже CENSORED

Современная сказка для взрослых, с хорошим концом

Alex Teufmann

Фотограф Alex Teufmann (Алексей Александрович Филиппов)

Шеф-редактор Наталья Никитина

Корректор Наталья Никитина

© Alex Teufmann, 2019

© Alex Teufmann (Алексей Александрович Филиппов), фотографии, 2019

ISBN 978-5-4493-4710-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей любимой жене.

*«I'm sorry I met you darling,
I'm sorry I met you»,
As she turned into the night.
All he had was the words:
«I'm sorry I met you darling,
I'm sorry I left you...»*

The Last Shadow Puppets.

Она встала и ушла. Не сказав ни слова. Просто вот отодвинула попой стул от стола, встала, повернулась и ушла.

Предположим, я подсел бы рядом под каким-нибудь смешным предлогом. Или, к примеру, послал розу за её столик.

Каким бы тогда образом развивались возможные дальнейшие события?

Как ты думаешь, Виктор, что бы я смог написать потом про эту несостоявшуюся историю?

Попробуем предположить. Например – вот так.

– Если честно, я не понимал её никогда. Как-то так получилось, что до определенного момента мне было всё равно: ну, есть она и есть, в любом случае лучше так, чем в одиночку. А потом вдруг она оказалась совсем рядом и почему-то постоянно.

Что, Витя, хочешь возразить, что бывает иначе?

Хрена с два. У всех всё одинаково, плюс-минус. Хотя большинству наверняка кажется, что их истории оригинальны и имеют собственные тайны, перипетии и изгибы сюжетов.

– Не могу согласиться с тобой, хотя бы потому, что каждый человек индивидуален по определению. Нет двух одинаковых, каждый – вселенная, и это всегда важнее, чем пол, национальность, прочие отличия.

– Я сейчас говорю не о людях в целом, а о девочках в частности. Все они, вне зависимости от внешних, психических и физиологических характеристик, по сути своей совершенно одинаковы.

Отличаются от основной массы только единицы. «Фрики». Исключения из общих правил. У них просто в голове, точнее в «центральном компьютере» головного мозга, неверная версия прошивки: там ошибка, или (чаще всего) их несколько.

И когда программа, руководящая девочкой, даёт очередной сбой, это выглядит как некая оригинальность.

– Дорогой! Смотри, какая замечательная киса! Какая милая, окрас оригинальный, шерстка пушистая, глазки умные-умные. Смотри, она мне подмигнула, а теперь улыбается! Давай возьмем её домой, накормим, помоем, ну давай-ай!

– Какая киса, дорогая?! Ничего, что у нас в однушке уже две кошки, чи-хуа-хуа, черепашка, морские свинки и попугайчики?!..

Или:

– Любимый, смотри, какую роскошную вещь я прикупила по случаю! Смотри, какая шикарная штука!

– Дорогая, это что, ковер-самолёт, на котором Хоттабыч сделал свой первый полёт над Москвой?

– Да ты что! Это же замечательный настоящий индийский коврик прямо из Бомбея!

– Какой Бомбей, нету никакого Бомбея, он с девяносто пятого года прошлого столетия Мумбай! У кого ты купила этот старый пыльник? И самое главное – почём?!..

Если рассмотреть большинство случаев девичьей «оригинальности», выйдет, что на самом деле все это не более чем следствия психического изъяна. Я не психиатр и не знаю нюансов, но одно скажу точно: если девочка выделяется из толпы остальных таких же и это ощущается явно и сразу – она чокнутая.

Кстати, это не означает, что с ней нельзя или вредно находиться рядом. Если её «прибабах» каким-то образом синхронен с вашей личной программой, вы даже с ней можете быть счастливы. Хотя нет, не так: вам иной раз будет казаться, что вы счастливы, и это периодически будет давать ощущение «полноты жизни». Но это короткие, как кайф от опьянения, моменты,

и они потом в полной мере компенсируются похмельем в виде бытовых проблем от общения с не вполне нормальным человеком. Вы никогда не угадаете заранее, каким будет следующий внеочередной сюрприз, так как им может оказаться всё что угодно: от покупки в кредит суперпылесоса по цене недорогого автомобиля до приехавшего пожить на неделю и оставшегося на два года дальнего родственника из Сызрани.

Всё, Витя, она от нас ушла. Всем своим видом показывая однозначность и бесповоротность этого поступка.

Хорошенькая. Да, именно хорошенькая.

Достаточно стройная, в меру улыбчивая, ухоженная, грудь на твёрдую двойку.

Чего ещё нужно? Тебе нужно, чтобы говорила «кофе – он»?

Это, конечно, можно было бы узнать, но только после сеанса вербального общения. И это другая история, это уже надо было искать повод для уместного пикапа, снова тратить время, средства, розу опять-таки посылать через официанта. И самое главное – нужно ли было всё это делать?

А так – всё просто. Она сидела за маленьким круглым столиком на двоих, но одна. В небольшом, милом и уютном ресторанчике на Маросейке.

Чашка кофе, дождик за окном, мокрый длинный зонт разных цветов у стройных ног в туфлях на высоком каблуке.

Она была в моей жизни приблизительно полчаса, ровно столько, сколько она пила свой кофе, а я мой коньяк. Но за это время я уже успел рассмотреть её, влюбиться, понять, возненавидеть, простить и отпустить в дальнейшую жизнь, оставив себе только тонкую, лёгкую, саднящую ноту послевкусия.

Что ещё нужно мальчику от девочки и наоборот? А, Виктор?

Думаешь, им нужны свидания, расставания, секс, свадьба, дети, цветы, зарплата?

Поверь мне, секс бывает и без всего остального вышеперечисленного. Да-да, и без зарплат тоже, не застревай в мейнстриме, современная жизнь гораздо проще и менее условна, чем это кажется большинству.

– И снова не соглашусь с тобой. Ты, как обычно, занимаешься словоблудием и не хочешь признавать обидного для тебя факта: отношения мужчины и женщины исторически основываются на классических ценностях, без которых наша цивилизация уже загнулась бы, задохнулась в миазмах, выделяемых побочными эффектами всё более развивающихся так называемых нравственных свобод.

– Витя, не пытайся завести меня за угол. Словоблудием как раз-таки сейчас занимаешься ты. На самом деле классические «основы», на которых строился так называемый «институт семьи», уже рухнули. И не просто рухнули, а успели рассыпаться в прах, пепел, золу. Нету их.

То, что держалось на этих основах, теперь понятийно-декларативным образом зияет в свободном пространстве, не имея под собой хоть сколь-нибудь реальных подоплёк.

Давай несколько раскроем тему, да?

Семья, в общедоступном, классическом понимании, базируется на социальном договоре между мальчиком и девочкой.

Суть договора проста: мальчик – добытчик, кормилец, защитник, опора, основа. Папа. Девочка – хозяйка, хранительница очага, уюта, главный распорядитель семейного бюджета, апологет порядка, милосердия, доброденствия. Мама.

Звучит красиво?

– Ну, допустим.

– Однако если мы рассмотрим это дело внимательнее, если мы углубимся в мелочи (в которых, по традиции, кроется, сам знаешь, кто), то выйдет совсем иная картинка.

Мужчина – раб семейной галеры, вкалывающий ради прокорма своей семьи, имеющий из радостей не так много, а именно: заначку, баню, рыбалку, двести пятьдесят по выходным и бестактный флирт с сотрудницей из соседнего офиса.

Женщина – домохозяйка, на которой готовка, уборка, стирка, глажка, дети с садами и школами, имеющая в качестве моральной компенсации чувство собственности отдельно взятого мужчины (вон половина подруг за тридцать и ни двора, ни кола своего, ни ног, между которыми этот кол бывает), ощущение контроля над ситуацией (всё равно купим полку в прихожую, а новая удочка твоя подождет). Ну, и ещё более бестактный флирт с одним из друзей мужа, который на уровне автоматически-визуального мышления понимает, что попа его жены не такая круглая, как у тебя.

Вот именно эти основы, по сути, сейчас разрушены. И стартаперами этого процесса выступили девочки.

Феминистки. Которые начали бороться за равноправие женщин. За право не быть рабой домашней лампы.

Получилось приблизительно так.

– А кто вам сказал, что она должна готовить утром вашим детям завтрак, стирать ваши носки и следить за порядком в вашем общем доме?

Глупости. Хотите порядка – заведите горничную или сами научитесь за собой следить. Ну, или хотя бы возьмите на себя часть домашних обязанностей и заботьтесь о чём-то на постоянной основе. Например, выносите мусор, гладьте постельное бельё и заправляйте постель. И мойте полы раз в неделю. Для этого много ума и таланта не нужно, даже мужчина способен с этим справиться. И крошки со стола вытирайте после завтрака. Мытьё посуды, походы за продуктами и на родительские собрания в школу также крайне приветствуются.

Но, с другой стороны, кто вам сказал, что он, мужик, обязан кормить, одевать и содержать вашу семью, ваших общих детей? Кто сказал, что он – добытчик, а вы вполне комфортно можете жить в статусе «мать – хозяйка дома – менеджер домашнего очага»?

Да чепуха это.

Забудьте.

Если вы вполне себе обоснованно боретесь за равноправие и снятие с вас опции «домохозяйка», то и он очень даже вполне может сказать, что не согласен с ролью основного добытчика.

Да, я готов помыть полы, но наш бюджет теперь обоюден и мы тратим на общие задачи равное количество денег. И делаем это только по итогам достигнутых договоренностей: «Докторскую колбасу не более полкило на неделю, масло, сыр, молоко, стиральный порошок, зубная паста...» А разницу каждый вправе тратить на себя. Кто-то на косметику, а кто-то на виски.

– Кружевные трусики – это из твоего бюджета, милый, тебе же на них смотреть...

– Фигушки, дорогая, на них большее количество времени будет пялиться твой коллега по конторе, ведь их так замечательно видно сквозь эту тонкую летнюю юбку, так что сама, сама...

Старый социальный договор умирает в конвульсиях. И именно девочки, со своим стремлением к эмансипэ, феминизму и независимости явились инициаторами кончины оного.

– Я вам не прислуга!

Да не вопрос. А я вам не гребец на этой галере, чтобы всю свою жизнь отдавать на содержание тебя, красивой, и наших общих детей.

Да, милая, такое время: каждый сам за себя, и ты сама так захотела.

Nothing personal, just business.

В половине седьмого позвонила Люда. Сказала, что дочитала моего «Коллекционера» и имеет намерение мне его вернуть. Я предложил встретиться в «Вешалке», поболтать, принять по бокалу-другому красного полусухого, ну или сухого (как пойдет). На том и порешили.

Вечер пятницы – это совершенно особенное время. Ещё не выходные, но уже и не рабочий день. Я, наверное, больше всего люблю именно пятничные вечера. После шести. Когда люди стряхивают с себя трудовые маски, служебные обязанности и прочие должностные инструкции. У них, кроме ощущения временной свободы, появляется чувство осязаемой перспективы. Перспективы расслабиться, отдохнуть, позволить лишнюю рюмку, вдохнуть вкусный аромат хорошей кухни. Да, я обожаю это.

Суббота уже не так радует, как вечер пятницы, точно так же, как предвкушение хорошего секса зачастую приносит больше радости, чем, собственно, процесс. В субботу ты понимаешь, что послезавтра понедельник. Про воскресенье лучше не говорить ничего. В воскресенье надлежит отдохнуть от пятницы и субботы, морально подготовившись к новой трудовой неделе.

Но сегодня вечер пятницы. Сегодня Людмила. Она милая, хорошая девочка. Из приличной семьи. Профессиональный фотограф, говорит на немецком и английском, умеет чудно морщить носик, когда ей что-то нравится. Читает литературу по психологии и много художественной, причём разных жанров. Любит Чехова, Хемингуэя, Пелевина, Ремарка, но почему-то недолюбливает Бунина. Мой любимый Джон Фаулз стал для неё приятным открытием.

Люда аккуратная до самых мелких мелочей – наверное, именно это её основной тренд. Она ухоженная во всём, начиная с безупречно уложенной причёски, заканчивая неизменно идеально ровным (волосок к волоску) прямоугольником на лобке.

И ещё она всегда немного стесняется. Это ужасно мило, но, когда происходит постоянно – начинает слегка напрягать. Мы встречаемся в среднем пару раз в месяц. И это нормально, потому что у неё своя фотостудия, кандидатская по психологии, йога, а у меня...

У меня тоже почему-то всегда что-то происходит, какие-то встречи, события – жизнь в общем.

Но больше всего мне нравятся девочки.

Разные.

Нет, я не классический «Казанова», я, скорее, как бы гурман. У меня их не так много в последнее время, моих девчонок. И обычно не бывает больше трёх-четырёх – так, по-моему, честно. И по фэн-шую как-то (шутка).

Люда чмокнула меня в щёку и сморщила нос. Этакая девочка с обложки хорошего глянца не про моду и не для мужчин. Не «Космо» и не «Максим». Журнал для домашних девочек и мальчиков, крепких середнячков – опоры социального строя любого общества. Менеджеров чуть выше среднего звена.

Таким хорошим девочкам редко везёт с мальчиками. Самая большая удача для них – встретить своего будущего мужа за одной партой на уроке сольфеджио в музыкальной школе. Лет в двенадцать-четырнадцать. Такого, чтобы носил нотную папку, неуклюже ухаживал покупкой недорогого мороженого и втихаря онанировал на фотографию модной актрисы, которая, по его, субъективному, мнению, чем-то похожа на его соседку по парте в музыкальной школе.

Но так везёт не многим из них, потому что в четырнадцать и мальчик, и девочка этого типа представляют собой не определившееся ещё ни в чём существо, с низким уровнем самооценки, сильным чувством предродительской ответственности и замечательными прыщами.

И когда из этого цыплёнка вырастает симпатичный лебедь, то лебедь этот, с одной стороны, уже достаточно циничен для того, чтобы верить в чудеса типа принцев на белых конях и принцесс в высоких башнях; но с другой, безнадежно романтической стороны, он (она) ждёт, что это чудо случится и родственная душа в один прекрасный день вдруг окажется рядом.

Так иногда бывает, но заканчиваются такие истории обычно банально, или грустно, или и то и другое вместе.

«Коллекционер», конечно же, Людмиле, девочке с тонкими душевными настройками, понравился очень. До искренней слезы о судьбе героини. В благодарность за открытый перед ней мир Джона Фаулза Люда принесла мне диск Muse «The Second Law», настоящий, в хорошем целлофане, с голограммой, купленный в приличном магазине. Не пиратский. В этом она вся: если уж музыка, то лицензионный CD или винил, если сумочка, то настоящий Liebeskind из Берлинского аутлета, а не Louis Vuitton турецкого разлива, насколько бы этот разлив ни был качественным и визуально неотличимым от.

И в наушниках она музыку не будет слушать: по её выражению, это не музыка, это звуковой фарш. Такая вот она, моя Люда.

Что ни говори, а подарки получать всегда приятно. Тем более что я лишь словом обмолвился, что услышал по радио пару песен с диска и мне понравилось. Умеет эта девочка делать приятные мелочи. Прелесть.

– Как дела у тебя, расскажи, не виделась как-то долго, чего новенького? – я поднял бокал, в котором плескался кусочек счастья темно-рубинового цвета и мелодично чокнулся с поднятым в ответ бокалом.

– Дела? Ну как, вот хороший клиент нашёлся, из Питера, предметная съёмка. Ездила туда на неделю, работы получилось много, теперь обрабатывать сырые фото дня три с перерывами на сон, сроки сжатые. Зато нормально платят, официальный договор, аванс, есть возможность долгосрочного контракта.

– Ну, здорово. Это действительно хорошо, когда есть работа, которая нравится и за которую ещё и платят.

– Да, это правда. Я люблю фотографию, ты же знаешь. Единственная сложность – заставить себя делать то, что хочет заказчик, а не то, что в это время хочу я. Моя любимая тема – пейзажи и городской портрет. Была бы возможность, я бы колесила по всему земному шару и просто снимала бы красоту, – в Людиных глазах зажётся мечтательный огонёк.

– Я в Питере за это время, по утрам и вечерам, наснимала столько всего не по работе, просто ужас. Даже не знаю, когда руки дойдут до обработки. Мосты, Исаакий, Дворцовая, Казанский. Перечислять можно долго, ты же знаешь, Питер в этом плане – кладёзь: выходи на Невский, снимай в разные стороны всё подряд – одна из десяти фотографий будет шедевром наверняка.

– Послушай, а открой секрет, зачем в наше цифровое время фотографию ещё и обрабатывать как-то? Она же электрическая, единичка, нолик, единичка, нолик... Ты же не на плёнку снимаешь, а на цифру? Неужели нельзя сразу так сфотографировать, чтобы хлоп – и шедевр?

– Хм, ну, во-первых, я снимаю и на плёнку тоже. У меня пара плёночных камер, одна, кстати, отечественная, очень приличная, между прочим. Мороки с ней, конечно, много, но кадры она иной раз выдает просто волшебные. – Люда улыбнулась. – А во-вторых, и раньше, и в наше время любая профессиональная фотография, как правило, подлежала некой ретуши перед презентацией или публикацией. Просто сейчас не используют для этого процесса прежние архаичные приспособления типа кисточек или туши, теперь для этого придумали фотошоп, – Люда иронично улыбалась над моей темнотой в области очевидных для неё вещей.

– Но зачем? Я не понимаю, тысячи людей в наше время фотографируют не то что на фотоаппараты, на телефоны, и очень хорошие получаются снимки. Сейчас и туристов-то с болтающимися на шее камерами не осталось почти. В смартфонах матрицы иной раз большего разрешения, чем в некоторых фотоаппаратах. У вас же, фотографов, с собой вечно по две камеры, да ещё рюкзак со вспышками, объективами и прочими причиндалами.

Люда посмотрела на меня с нежностью воспитателя детского сада.

– Согласна, разницу между просто хорошей фотографией и профессиональной понять довольно сложно, не зная деталей и нюансов. Давай я попробую тебе всё объяснить в понятных для тебя терминах. Вот ты вино любишь?

– Пфф, спрашиваешь.

– А отличить местное дешёвое от приличного итальянского на вкус сможешь?

– Обижаешь? Дешёвое местное я тебе по запаху отличу, даже не пригубив, не то чтобы эту бадымагу внутрь себя пить.

– Вот. А ты разницу между дешёвым и хорошим как научился определять, оно же ведь и то и другое – вино? Я сама тебе отвечу, не напрягайся. Эту разницу ты начал понимать в процессе, скажем так, дегустации различных вин на протяжении длительного периода времени. Верно?

– Ой, ты так элегантно мой алкоголизм описала, что мне прямо за себя гордиться теперь можно, – я искренне рассмеялся, едва не плеснув очередную порцию красного мимо бокала. Я, выходит, не алкаш вовсе, а цивилизный дегустатор? Здрово, буду знать теперь, что отвечать гражданам, обвиняющим меня в пьянстве. И в резюме, в разделе «хобби», добавлю: «дегустация алкогольных напитков», потенциальный работодатель думаю, оценит, – продолжал веселиться я.

Вообще ты права, конечно. Вкус ко всему хорошему нужно развивать со временем, учиться понимать его. Это как сыр с голубой плесенью: первый раз попробуешь – думаешь, как эту гадость вообще нюхать можно, не то что есть. А со временем понимаешь все его прелести. Особенно под кьянти, ммм...

– У меня такая же история была с красной икрой, – подхватила тему Люда, – мама с детства меня ей пичкала, считая, что икра – кладёшь витаминов и всего полезного вообще, что может быть в продукте питания. Конечно, она была права, икра, действительно, полезна. Только в детстве я её терпеть не могла, ни в каком виде. А сейчас это один из моих любимых деликатесов. Я начала разбираться в сортах, понимать, чем икра кеты, например, отличается от икры форели. Ну и так далее.

Вот и по отношению к фотографии работает приблизительно тот же принцип. Пока ты не всматриваешься в подробности, полутона, мелочи, тебе кажется, что нет разницы, чем и как сделано то или иное фото. А на самом деле тонкостей в этом деле – масса бесконечная. Думаешь, мы для визуальной важности носим с собой кофры, рюкзаки, в которых камеры, объективы, вспышки и прочие, как ты изволил выразиться, «причиндалы»? Увы, мы все охотники за удачными кадрами, более того, таких, как я, эта охота вообще-то кормит.

Люда прищурилась и посмотрела в сторону окна через бокал, в котором было немного вина.

– Я, например, всегда, почти в любой момент времени, в голове представляю себе окружающий мир в возможных фотографиях. Это интересно. Для меня это творчество в первую очередь. Иногда смотришь отснятый материал и вдруг совершенно неожиданно находишь жемчужину среди пыли. И это – настоящее счастье.

А обработка нужна потому, что мы, фотографы, снимаем в несколько другом формате, нежели любители. У нас файл с фотографией весит в десять-двадцать раз больше, чем обычные «фотки», – Люда выделила слово «фотки» мимикой, будто говорила о чем-то низком, не интересном, не достойном внимания. – Камера сохраняет в этом файле целую кучу инфор-

мации о яркости, цветах, экспозиции, в общем много всего, – Люда улыбнулась. – Зато потом, при редакции, есть возможность поправить все огрехи, которые были допущены во время съёмки. Таким образом, в итоге мы получаем снимок, близкий к идеально возможному. Это один из аспектов нашего ремесла, все фотографы этим живут, это – норма.

– Ясно. В принципе, ничего странного – почему бы не использовать имеющиеся технические средства, для того чтобы несколько улучшить увиденную реальность?

– Нет, не так. Средства нужны для того, чтобы приблизить изображение к идеальной реальности, видению фотографа. Так или иначе, то, что мы видим в видоискателе при съёмке, мало чем на самом деле похоже на действительность. Всё-таки окружающий нас мир гораздо красивее, чем мы его отображаем, фотографы ли, художники ли.

По-моему, важно понимать это, знать, что исходный материал, от которого мы отталкиваемся в творчестве, неповторим и прекрасен. И прекрасен, в первую очередь, своей неповторимостью.

Невозможно снять дважды одно и то же, если ты фотографируешь не в студии, с набором одних и тех же предметов. Природа всегда динамична, не только реки текут, но и растения растут, листья опадают, появляются новые ветки, что-то ломает ветер, птицы выют гнёзда и так далее. Даже здания, в одних и тех же «интерьерах», в разное время выглядят по-разному. Не говоря уже о живых объектах, будь то горы или любые другие натуральные пейзажи.

– А в чём красота для тебя? И всегда ли одинаковы критерии её оценки? Получается, что если ничто не статично, то и отношение должно быть подвержено некой, как ты говоришь, «динамике», не находишь?

– И нет и да. – Люда нахмурила лоб, видимо, размышляя, как лучше ответить так, чтобы было понятно.

– Начну с того, что у меня нет критериев оценки. Просто потому, что я ничего не оцениваю. Я не отношусь к окружающему миру, как покупатель к товару на базаре. Красота – понятие совершенно субъективное и индивидуальное. Именно поэтому кто-то видит красоту в придорожной лавке, а кому-то нужно трехъярусную люстру из хрустала в гостиную, для того чтобы ощущать своё жилище красивым. Тогда как для первого эта люстра, вместе с обоями в стиле ампир, багетами и золочёными ручками на дверях, будет верхом мещанской пошлости.

– Работала на квартире какого-то денежного мешка?

– Да, делала портреты дочери одного богатенького кота Базилио, которому-таки удалось найти своих Буратин и отнять у них все их пять золотых. Работа не из приятных, но платят хорошо. Самое противное, что выбившиеся из грязи в князи люди относятся к тебе как к прислуге, человеку низшего сословия. И даже не пытаются этого скрывать. Причём, что характерно, торгуются они похлеще, чем торговки на базаре. Я поэтому работаю с ними по фиксированному прайсу, причём беру авансом, обмануть могут запросто. Я отвлеклась, ты спрашивал, что для меня – красота. Попробую объяснить на примере.

Я вот, например, милостыню подаю в одном случае: если просящий её человек вписывается в окружающий интерьер, если он уместен там, где находится, исходя из логики вещей, предметов, строений. То есть если его присутствие в этом месте гармонично, с точки зрения эстетики момента. Та же история с уличными музыкантами: если их музыка созвучна времени, месту и моему душевному состоянию, я заплачу за их игру, пение. Я понятно объяснила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.